

СЕЗОН КАТАСТРОФ

СЕЗОН КАТАСТРОФ

Алексей Калугин. НАЧАЛО

Вячеслав Шалыгин. АГРЕССИЯ

Роман Глушков. ОХОТА

Вячеслав Шалыгин. ЗАПАДНЯ

Вячеслав ШАЛЫГИН

ЗАПАДНЯ

**ЭКМО
МОСКВА
2013**

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ш 18

Разработка серийного оформления
Владиславы Матвеевой

Иллюстрация на переплете *Ивана Хивренко*

Шалыгин В. В.

Ш 18 Западня / Вячеслав Шалыгин. — М. : Эксмо, 2013. — 384 с.

ISBN 978-5-699-66745-1

Сезон катастроф продолжается!

Группа квестеров под командованием Андрея Лунева добилась победы в первой партии большой игры на выживание, но справится ли она с новым вызовом «серого» противника? Ведь теперь коварный враг ставит под свои знамена не уродливых чужаков, агрессивных и сильных, но плохо приспособленных к условиям нашего гибнущего мира. В новой партии на стороне противника действует жестокий и непредсказуемый маньяк по кличке Лектор, который командует крупной бандой отморожков, готовых на все ради наживы. Думаете, ответ очевиден: Андрей «Старый» Лунев победит, поскольку таковы законы жанра? Что ж, война покажет...

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Шалыгин В., 2013

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-66745-1

19.10.2015. Этот день навсегда останется в истории как «День Страха». Ведь после 19 октября 2015 года именно страх стал главным мотивом поступков всех людей на планете. Кого-то он вогнал в депрессию, кого-то довел до отчаяния, а кого-то, наоборот, обозлил и настраивал на сопротивление. И причиной этого страха стало Абсолютно Неведомое, которое принялось медленно, но верно расползаться по планете. Зловещее Нечто прорывалось через бесформенные черные разломы бытия, то в одном, то в другом месте, и устанавливало вокруг точек прорыва свои, порой совершенно непонятные людям правила игры.

Сначала точка прорыва (это место называли «зоной разлома») была одна — посреди кенийской столицы Найроби вдруг взметнулся гигантский грязевой фонтан. Но затем появился другой разлом, третий, десятый...

Бангкок, Новосибирск, Дубай, Каракас, Детройт, Москва... это лишь часть списка крупных городов, которые вошли в двадцатку пострадавших вскоре после начала ползучего светопредставления. Меньше чем за год, к началу

осени 2016, число пугающих аномальных зон увеличилось до полусотни и продолжило расти.

Нереальные амплитудные землетрясения, странные «застывшие» извержения вулканов и невообразимые по силе и продолжительности песчаные бури. Необъяснимые стремительные наводнения в маловодных регионах и тлеющие без пожаров земли. Болота, полные невозможных тварей, и странные территории, где время меняло свой ход. Города, в которых нельзя было найти нужный дом, потому что здания постоянно перемещались, как шашки на доске, и города, в одночасье сраженные морозом посреди жаркого лета. Это лишь краткий список проблем, которые встречались на территориях вокруг разломов реальности.

Поначалу власти предержавшие пытались изолировать аномальные территории и как-то их изучать, но затем плюнули и пустили дело на самотек. Слишком много стало аномальных зон и слишком уж разные, не поддающиеся никакой систематизации события происходили на этих территориях. Ни в одном из мест прорыва Неведомого в нашу реальность сценарии его вторжения не повторялись. Единственным объединяющим нюансом на первом этапе глобальной катастрофы стало ощущение, что каждый раз из непонятных сопредельных пространств, времен или измерений в наш мир прорывалось худшее, что мог создать или накопить смежный мир.

И еще два проблемных момента. Первый: никто не мог угадать, где в очередной раз рва-

нет, поскольку не существовало никаких примет-предвестников, что именно здесь образуется разлом. И второй: иногда нельзя было понять, в зоне разлома ты или нет. Даже находясь вблизи ее центра. Ведь бывало, что из разлома бытия не вылезало ровным счетом ничего и законы мироздания вроде бы не менялись, но все равно в зоне вокруг него жить становилось невыносимо.

Впрочем, со временем вторую проблему удалось худо-бедно решить. В этом помогло знание, которое, как известно, сила. В данном случае — сила, необходимая для выживания. Этим знанием стали общие признаки точек разлома мироздания: подавление всех видов радиосвязи, наличие в центре аморфной черной кляксы — собственно места разлома, и загадочные однотипные вещицы — размером с ладонь квадратные металлические пластины непонятного большинства людей назначения. По одной, две, а иногда и по пять таких штукovin обязательно находили в пределах аномальной зоны вокруг каждого разлома, через который в очередной раз прорвалось Абсолютно Неведомое. Какое-то время спустя этим вещицам придумали название — «пакали», но их назначение и свойства еще долго оставались загадкой. До тех пор, пока в этот вопрос не внес ясность созданный бизнесменом Кирсановым Центр Изучения Катастроф. Именно ЦИК с самого начала (а кое-кто поговаривал, что и задолго до начала Сезона Катастроф) активно занимался проблемой разломов и очень скоро превратился в единствен-

ную реальную силу, способную если не противостоять разрушению мира, то хотя бы помочь человечеству найти свой путь по лабиринту, созданному из осколков мироздания.

Так все и началось. Мир то ли перевернулся, то ли вывернулся наизнанку, не имеет значения. Важно лишь то, что миру пришлось принять новые правила существования. Правила жестокой игры на выживание. Игры, названной ее участниками Сезоном Катастроф.

Пролог

*Москва (Точка X), 26.10.2015 г.
(Седьмой день Сезона Катастроф)*

Холодный нудный дождь лил уже почти неделю. Зарядил 20 октября утром, около восьми, и с этого момента не прекращался. Шел, шел и шел. Без пауз, монотонно, не усиливаясь и не ослабевая. Он словно хотел в первую очередь свести город с ума скучной барабанной дробью, а уж после этого утопить.

Впрочем, свихнуться от психической атаки дождя никто не успел. На третьи сутки кое-кто приуныл, но и только. Все потому, что вечером третьего дня стало не до хандры. По всей Москве засорились ливневки, небесная влага прорвалась в коллекторы и метро, затопила подземные коммуникации, и город стал походить на растревоженный муравейник.

А к исходу четвертых суток вода поднялась на полметра выше дорожных бордюров, и город забился в судорогах, как тонущий в холодном море пловец. Агония длилась весь пятый день и завершилась, как, впрочем, и положено, летальным исходом. Ближе к утру шестого дня погасли окна домов, на улицах вырубались последние фонари, и Москва превратилась в мертвый каменно-стеклянный архипелаг.

Дождь никак не отреагировал на капитуляцию города. Он в прежнем ритме поливал серые дома-островки, наполнял водой ставшие каналами улицы и дворы-озера. Дождю показалось недостаточным утопить город, он желал еще и похоронить его под многометровой толщей воды. И не было никакой возможности ему помешать. Оставалось смириться и уйти. Вернее — уплыть.

Большинство жителей так и сделали, но некоторые остались. Зачем? Ответа на этот вопрос не было ни у кого.

Сержант ППС Дмитрий Колесников в сотый раз взглянул на равномерно серое, без просветов небо и зябко поежился. Зачем он остался в утонувшем городе? «По долгу службы», как выражался командир? Ничто не мешало написать рапорт и умотать куда подальше и где посуше. Из любопытства? Тоже нет. Тогда зачем? А вернее — почему?

«Нет ответа. — Сержант вздохнул. — Наверное, просто растерялся, притормозил, а когда очнулся — поздно стало дергаться. Так что придется тянуть ляжку до упора. В любом случае навечно тут не оставят. Когда все кругом окончательно зальет, переведут хотя бы за Кольцевую. А то и вовсе в Калугу или Ярославль».

Колесников чуть сдвинул капюшон к затылку и попытался разглядеть далекий горизонт сквозь серую дождевую мглу. В другую погоду с крыши высотки наверняка открывался хороший вид. Но сегодня сержант видел только плоские, блестящие от влаги крыши ближайших зданий. Пялиться на них было удовольствием сомни-

тельным, но служба есть служба. Пост на крыше считался теперь чем-то вроде матросской вахты на марсе. Высоко сижу, далеко гляжу, с помощью бинокля все вижу. Ну, почти все. Насколько позволяет завеса дождя.

В кармане спасательного жилета неожиданно затрещало и зашипело. Это вдруг ожила рация. По неизвестным науке причинам с радиосвязью в городе с каждым днем становилось все хуже и хуже. Сотовая умолкла на третий день потопа, специальная — на четвертый, а со вчерашнего дня работали только простейшие «уоки-токи» (как ни странно), да и то изредка. За сегодня Колесников лишь однажды сумел выйти в эфир. Вполне возможно, что сейчас рация подала признаки жизни в последний раз.

— Колесо... на борт... — пробилось сквозь треск помех.

Сержант на всякий случай ответил «есть, понял» и спустился с крыши на второй этаж. Покидать здание ему пришлось тем же путем, которым он в него проник — через окно лестничного марша между первым и вторым этажами. Ниже плескалась вода.

Колесников выбрался на козырек парадного и уселся в причалившую к нему сине-белую резиновую лодку с подвесным мотором. Суденышко было новое, лишь позавчера переданное в ведение полиции одним из спортивных магазинов, но уже имело десяток заплат на местах пулевых пробоин.

Патрульно-постовая служба по-прежнему была «и опасна, и трудна». Даже более трудна, чем

прежде. Освоить управление новым транспортом оказалось не так-то просто, да и тактике поимки преступников на бескрайних водных просторах и в бесчисленных «фьордах» архипелага Москва полицейских прежде не обучали. Разумеется, преступники мгновенно учуяли, что полиция дает слабинку, и совершенно распоясались. Дать отпор патрулю теперь был готов каждый второй мародер. Отсюда и результат. Непонятно, как стражи порядка вообще не утонули, получив столько дырок на один борт.

Короче, народу в Москве поубавилось, но работы и трудностей только прибавилось. Не расслабишься. Да еще дождь этот бесконечный!

— На Ильинке шухер, — сообщил напарник Колесникова. — Какие-то крысы в Минфин забрались.

— Что им в министерстве понадобилось? — удивился сержант.

— Я почему знаю? — Напарник пожал плечами. — Что мне Серега крикнул, то и тебе докладываю. Общий сбор на Ильинке.

— Сереге хорошо, он на этом... как его...

— На гидроцикле. — Напарник смахнул с лица дождевые капли и поправил капюшон плаща. — Да, прикольно. Летает, как пуля. Потому и посыльным назначили.

— Вот именно — сам как пуля летает, но под пули не лезет, — уточнил свою мысль Колесников.

— Не сдувайся, Колесо, и мы прорвемся, — подбодрил напарник и вывел судно на условный фарватер — середину бывшей улицы Варварка, а затем направил его по крутой дуге в створ Никольского переулка.

В момент, когда до перекрестка с Ильинкой оставалось метров сто, вдалеке прогремело несколько взрывов. В том, что это не гром, можно было не сомневаться. Грохот был не раскатистый. А еще следом за взрывами зазвучали полицейские сирены и взревели лодочные моторы.

Катер сержанта Колесникова влетел в акваторию Ильинки за миг до того, как несколько новеньких гидроциклов поравнялись с перекрестком. Каким образом лихие гонщики ушли от столкновения с полицейским суденышком, осталось для Колесникова загадкой. Маневренные «водные мотоциклы» обогнули катер с носа и кормы и с оглушительным ревом промчались по улице-каналу в направлении Старой площади.

Рефлексы требовали заложить вираж и броситься в погоню, но напарник Дмитрия поступил хладнокровно и грамотно. Он поддал газу и направил судно напрямиком в Большой Черкасский переулок, освободив путь тем полицейским катерам, что уже мчались в кильватере неизвестных аквагонщиков. Лишь после этого напарник сбросил ход, развернул катер, вновь вывел его на Ильинку и опять поддал газу.

Лечь на курс оказалось гораздо проще, чем удержаться на нем. Погоня подняла серьезную волну. Лодку подбрасывало и швыряло из стороны в сторону так, что Колесников пару раз едва не вывалился за борт. В третий раз сержант едва не оказался в холодной воде, когда вереница из десятка аквабайков и катеров выписала на сером, рябом от дождя зеркале воды зигзаг — погоня вырулила со Старой площади на Китайгород-

ский проезд и помчалась в направлении бывшего русла Москвы-реки.

Дождь и брызги превратились в единую водную завесу, сквозь которую было трудно рассмотреть детали, а порой и даже крупные препятствия, но напарник Дмитрия уверенно вел суденышко в кильватере более мощных и скоростных катеров и гидроциклов. Лишь когда погоня, заложив правый поворот, вырвалась на оперативный простор разлившейся реки и против легкой надувной лодки начали работать течение и ветер, экипаж Колесникова отстал. И отставание с каждой секундой становилось все существеннее. Зато теперь патрульные более-менее нормально могли оценить ситуацию, не мешала пелена из дождя и брызг.

Мародеров, прорвавшихся сквозь полицейский заслон, было пять, и уходили они на трех гидроциклах. На хвосте у них висели шесть полицейских экипажей — три скоростных катера и три аквабайка. Перевес по всем статьям был у полиции, так что теоретически оторваться мародерам не светило, но осознали это пока только парные экипажи двух гидроциклов: того, что шел по центру, и его левого подельника. Правофланговый, одиночка, все еще надеялся оторваться и вваливал на все деньги.

Происходи все вчера вечером, развязка могла наступить довольно скоро, ведь еще в полночь Большой Москворецкий мост, что напротив Васильевского спуска, частично возвышался над новым уровнем реки. Но за ночь воды прибывло достаточно, чтобы скрыть даже ограждения мо-

ста. Теперь из реки торчали только фонарные столбы — для гидроцикла не помеха, не баржа все-таки.

Когда самый резвый из преступников очутился над следующим мостом и заложил вираж, вырубив на ставшую озером Боровицкую площадь, до полицейских, наконец, дошло, что сдаваться он не намерен. Более того — запросто может уйти. И только тогда полицейские открыли огонь. Затея бессмысленная, с подпрыгивающих на волнах катеров можно было попасть только в небо, но для очистки совести патрульные все-таки опустошили пару магазинов и только после этого сбросили скорость.

Улизнувший мародер будто бы спиной почувствовал, что погоня притормозила, и еще поддал газу. Рев его гидроцикла на запредельных оборотах прозвучал, как победный салют. Колесников покачал головой и с досадой хлопнул по надутному борту лодки.

— Наверняка самый ценный груз у него, — проронил сержант.

— Смотри! — вдруг встрепенулся напарник и вытянул руку, указывая на середину затопленного моста.

Колесникову показалось, что он видит нечто вроде замедленной съемки. Из-под толщи серой воды не слишком резко, но мощно, подняв приличную волну и в сопровождении тучи крупных брызг, поднялась странная человеческая фигура. Такая же серая, как речная вода или низкие тучи, но самое главное — не имеющая особых примет. Высокий и худощавый «серый человек» был за-